

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-3-213-229

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Г.А. Шевкунов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

sm1395@ya.ru

Аннотация. Изучение революции 1917 г. на протяжении последнего столетия привлекает пристальное внимание ученых. На различных временных этапах исследовательская проблематика претерпевала изменения, вектор ее актуальности заметно перемещался от одних тем к другим. Одним из важнейших направлений современного исторического поиска выступает изучение социально-психологических факторов, повлиявших на возникновение и развитие февральского политического кризиса. Исследование роли, механизмов влияния этих факторов в революционных событиях является целью настоящей статьи. На основе значительного количества источниковых данных и применения системного и факторного анализа раскрывается методика использования коммуникативных каналов, направленная на дестабилизацию политических отношений. Предпринята попытка раскрыть степень осознания научным сообществом того времени массового индуцированного психоза в возникновении и развитии революционных процессов. Результатом проведенного исследования является вывод о неспособности публичной власти того периода справиться с деструктивным влиянием социально-психологических аспектов революционных событий.

Ключевые слова: революция 1917 года в России, Николай II, раскол элит, психоэмоциональное состояние общества, социально-психологический фактор, массовый психоз.

Для цитирования: Шевкунов Г.А. Психоэмоциональное состояние российского общества как фактор февральской революции 1917 года // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. Т. 21. № 3. С. 213–229.

Дата поступления в редакцию: 27.05.2024

THE PSYCHO-EMOTIONAL STATE OF RUSSIAN SOCIETY AS A FACTOR OF THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917

G.A. Shevkunov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
sm1395@ya.ru

Abstract. The study of the February Revolution of 1917 over the last century has attracted the close attention of scientists. At various time stages, the research issues have undergone changes, the vector of their relevance has been noticeably shifting from one aspect to another. One of the most important areas of modern historical research is the study of socio-psychological factors that influenced the emergence and development of the February political crisis. The purpose of this article is to study the role and mechanisms of influence of these factors in revolutionary events. Based on a significant amount of source data and the use of systemic and factor analysis, the methodology of using communication channels for destabilizing political relations is revealed. An attempt is made to reveal the degree of awareness of the mass induced psychosis in the emergence and development of revolutionary processes by the scientific community of that time. The result of the conducted research is the conclusion about the inability of the public authorities of that period to cope with the destructive influence of the socio-psychological aspects of the revolutionary events.

Keywords: the Revolution of 1917 in Russia, Nicholas II, split of elites, psycho-emotional state of society, socio-psychological factor, mass psychosis.

For citation: Shevkunov G.A. The psycho-emotional state of Russian society as a factor of the February Revolution of 1917 // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2024. Vol. 21. № 3. P. 213–229.

Received: 27.05.2024

Введение. Постановка проблемы

Более столетия продолжается в отечественной и зарубежной науке изучение революционных событий 1917 г. в России. За это время удалось решить целый ряд задач, объясняющих ее ход на различных этапах и результаты произошедшего. Центральным вопросом за все годы изучения являлся вопрос о причинах революции и тех факторах и условиях, которые привели к дестабилизации общественной жизни страны накануне революции. Сегодня большинство историков и представителей других общественных наук, изучающих февральские события 1917 г., достигли согласия в вопросе о том, что важнейшим

условием дестабилизации российского общества, чреватым революционными потрясениями, является раскол элиты, сопровождающийся трансляцией этого раскола на все общество¹.

Раскрытие этого важного условия, проверенное на опыте других политических переворотов, стало основой разработки и применения в практике дестабилизирующей общество управленческой технологии, которая получила общее наименование «цветных революций»².

Сами по себе разногласия в политической элите того или иного общества — явление заурядное и, вероятно, естественное при выборе стратегии общественного развития. Они не несут дестабилизирующего воздействия до той поры, пока не приобретают характер раскола элиты и не ведут к трансляции их непримиримых разногласий на уровень общественной практики, всего общества. Именно в условиях трансляции раскола элит особое значение приобретает социально-психологический фактор, который и обеспечивает мобилизационные резервы и возможности для прямых массовых противостояний.

Социально-психологические факторы становятся особенно значимыми и очевидными в условиях революции. В последние десятилетия социально-психологическим факторам революции 1917 г. в отечественной исторической литературе посвящены специальные исследования³. Во многих работах освещение этого аспекта революционных событий ведется с различных позиций. Марк Д. Стейнберг пишет об улице, ставшей местом для вызова существующему порядку⁴. В исследовании Д. Кенкер и У. Розенберга социально-психологический фактор рассматривается через призму стачечного движения как проявления классового конфликта⁵.

---

¹ См., напр.: Никонов В.А. Крушение России. 1917. М.: АСТ, 2016.

² Nye J. The Future of Power. NY: Public Affairs, 2011; Наумов А.О. «Цветные революции». М.: Издательство «Кучково поле», 2022; Наумов А.О., Белоусова М.В. К вопросу о применении технологий «острой силы» в современном мире // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 98. С. 73–85.

³ См., напр.: Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М.: Издательство «ИстЛит», 2017; Булдаков В.П. Слухи, эмоции, большевизм // Вестник Тверского государственного университета. 2023. № 3. С. 5–21; Булдаков В.П. Страсти революции: эмоциональная стихия 1917 г. М.: Новое литературное обозрение, 2024; Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020; Аксенов В.Б. Война патриотизмов. Пропанганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

⁴ Steinberg M.D. The Russian Revolution, 1905–1921. Oxford: Oxford univ. press, 2017. P. 6.

⁵ Koenker D.P., Rosenberg W.G. Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton: Princeton univ. press, 2016. P. 10–11.

Гораздо меньшее внимание в исторической литературе уделялось управленческим аспектам проявления социально-психологических факторов. Характеристика осознания в обществе степени и механизмов их влияния является целью исследования. Для ее достижения использованы методы системного и сравнительного анализа, а также факторный анализ, позволяющие дать характеристику понимания обществом значимости влияния социально-психологических факторов на развитие революционных процессов в стране.

Власть и общество накануне февральской революции

Как русское передовое общество допустило, чтобы из него создали беспроигрышный проект по беспощадному сокрушению собственной страны? Каким образом его превратили в оружие массового поражения, направленного против России?

Внимательный наблюдатель и участник событий 1914–1917 гг. посол Французской Республики в Петрограде Жорж Морис Палеолог в дневниковой записи от 5 февраля 1917 г. оставил свой удивительный, но точный диагноз: «Ни один народ не поддается так легко влиянию и внушению, как народ русский»⁶.

Во всех страдах российского общества в эти трагические дни царил тотальная, поразительная внушаемость. Но была одна немаловажная особенность: верили только тому, что очерняло, бросало тень в первую очередь на власть в любой ее ипостаси. С каким-то безумным упоением верили в то, что оказалось нелепыми слухами, беззастенчивой клеветой.

Как утверждают историки, одной из причин революционных событий 1917 г. было не отставание России, а, напротив, ее стремительный экономический рост, резко видоизменявший привычный социальный уклад⁷. Для решения стоявших перед Россией проблем нужно было время. Но в бурно развивающейся стране ждать никто не хотел.

Невыдержанная, падкая на обещания народная толпа стремительно увлекалась рецептами, предлагавшими немедленные и якобы единственно верные решения. Когда мы говорим об этом простодушном нетерпении, вспоминаются слова Петра Аркадьевича Столыпина, произнесенные им в 1910 г. в Государственной думе: «Если бы нашелся безумец, который сейчас одним взмахом пера осуществил бы неограниченные политические свободы в России, завтра в Пе-

⁶ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Новости, 1991. С. 192.

⁷ См.: Шевкунов Г.А. Социальная система Российской империи как предпосылка революции 1917 года // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104. С. 95–106. DOI: 10.24412/38nvjr73.

тербурге заседал бы совет рабочих депутатов, который через полгода своего существования вверг бы Россию в геенну огненную»⁸.

Российское общество задорно играло с правительством в своеобразный праздник непослушания. Со стороны это могло показаться забавным, веселым, чем-то очень творческим и интересным, но на деле оказалось тем, что обычно завершают скорбным и неподдающимся исправлению определением: «Заигрались. Доигрались».

Противостояние власти и общества в стране, когда общество не желало находить общий язык с властью, а власть не умела говорить с обществом, стало основой того психоэмоционального состояния, которое привело к крушению императорской России в феврале-марте 1917 г.

Подрыв авторитета императорской власти

К 1914 г. все основные гражданские свободы в Российской империи были реализованы. Но «прогрессивное общество» продолжало стонать: «Деспотия! Тюрьма народов!». Складывалась ситуация, когда враждебность к власти как принцип доходила до абсурда. «Личные качества человека не ставились ни во что, если он устно или печатно не выражал своей враждебности существующему строю. Об ученом или же писателе, артисте или музыканте, художнике или инженере судили не по их даровитости, а по степени их радикальных убеждений», — вспоминал в эмиграции Великий князь Александр Михайлович⁹.

Замечательный мыслитель русской эмиграции Иван Лукьянович Солоневич неожиданно и глубоко подвел итог: Россию погубила сплетня¹⁰. Ложь и клевета оказались беспроегрешным оружием в борьбе против нашей страны. И чем чудовищней была сплетня, тем легче она становилась частью коллективного сознания.

Вот лишь одно показательное свидетельство современника: «Крестьяне охотно верят слухам о вывозе кожи, хлеба, сахара и пр. немцам, о продаже половины России графом Фредериксом тем же немцам и т.п.»¹¹.

---

⁸ Цит. по: *Воейков В.Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М.: Воениздат, 1995. С. 255.

⁹ *Александр Михайлович, вел. кн.* Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. С. 163.

¹⁰ *Солоневич И.Л.* Великая фальшивка февраля. М.: Алгоритм, БСК, 2007. С. 271–301.

¹¹ *Крачкович П.З.* История Российской революции (записки офицера-журналиста), 1914–1920. Книга 1. Гродно: Тип. «Т-ва С. Лапин с С-ми», 1921. С. 6.

Сплетнями была перенасыщена светская, общественная, народная и даже церковная жизнь. В первую очередь клевета касалась тех, кто окружал Императора. Их называли попросту: «темными силами». Этим наименованием были заклеены Императрица Александра Фёдоровна, ее дочери, близкие, царские министры, Распутин, епископат и все несогласные с позицией «прогрессивного общества» — военные, чиновники, интеллигенты, любые люди, «имеющие наглость» оставаться лояльными Императору. Безусловно, вершиной «темных сил» называли самого Николая II.

Напомню еще об одной сплетне, ставшей во многом роковой. 1 ноября 1916 г. лидер «Прогрессивного блока» П.Н. Милюков, только что вернувшись из поездки в Англию, с трибуны Государственной думы произнес речь, потрясшую Россию: он открыто обвинил Императрицу и правительство в работе на врага — Германию¹². Каждый свой довод Милюков сопровождал пафосным восклицанием-вопросом: «Что это: глупость или измена?» Ответ: «Измена!» был очевиден.

Эту чудовищную коллективную клевету, раздутую до общероссийского политического скандала, назовут «штурмовым сигналом революции». Ее подхватят в думских коридорах и в военных штабах, в среде чиновничества и интеллигенции. Наконец, эта сплетня дойдет и до народа, до простых солдат, крестьян и рабочих.

Военные цензоры Западного фронта осенью 1915 г. доносили в отчетах: «Слухи о предательстве очень упорны и, что всего хуже, комментируются среди нижних чинов в фантастической форме и колоссальных размерах»¹³.

Особенно популярной стала тема «немки-предательницы» Александры Федоровны. Небылицы, распускавшиеся на самом высоком уровне, утверждали, что будто бы из Царского Села по секретному телеграфному проводу в ставку Вильгельма уходят военные планы, которыми Царь делился с супругой. Уверяли, что Императрица во всем управляет безвольным мужем, что именно она виновата даже в том самом дефиците сахара (продажа которого была ограничена во время действия «сухого закона»). Императрицу обвиняли в любовных связях с «грязным мужиком» — Григорием Распутиным. Опускались даже до того (и этим занимался лично

---

¹² См.: Резанов А. С. Штурмовой сигнал П.Н. Милюкова. Париж: изд. авт., 1924. С. 45–61.

¹³ Цит. по: Поринева О. С. Эволюция образа войны в сознании массовых слоев российского общества в 1914 — начале 1917 гг. // Военно-историческая антропология. Актуальные проблемы изучения. Ежегодник. 2005/2006. М.: РОССПЭН, 2006. С. 86.

А.И. Гучков), что распространяли слухи, будто Императрица отдала Распутину в наложницы своих юных дочерей. Порнографические истории про Распутина были призваны вызвать омерзение ко всей императорской семье, к министрам и военачальникам, назначаемым по воле Царицы и «всесильного старца».

Сразу же после февральского переворота Временным правительством была начата подготовка показательного суда над «темными силами» — над арестованными Императором, Императрицей и их ближайшим окружением. Для этого была создана по приказу Временного правительства Чрезвычайная следственная комиссия для расследования преступных действий высших должностных лиц императорской России.

Многие известные люди вошли в эту первую «Чрезвычайку». В их числе был и Александр Александрович Блок, знаменитый поэт, ставший секретарем комиссии. Состоял в ней и академик Сергей Фёдорович Ольденбург.

Следствие было призвано доказать несколько пунктов обвинения: 1) шпионаж и тайную деятельность «темных сил» в пользу Германии и Австро-Венгрии; 2) передачу фактического управления государством в руки развратного, спившегося религиозного проходимца; 3) фактическую узурпацию власти пронемецкой кликой во главе с Императрицей Александрой Фёдоровной и ее скандальными приближенными. Очевидно, что каждое из этих обвинений, учитывая военное время, тянуло на высшую меру наказания.

Следствие под контролем общественности вели лучшие криминалисты и юристы новой России. Уровень неприязни к «бывшим» Царю, Царице и их окружению был настолько велик, что ни у кого не возникало ни малейших сомнений: скоро не только вся Россия, но и весь мир узнают позорную и ужасную правду о чудовищных преступлениях Романовых. Финалом судебного процесса должен был стать показательный суд над Императором и Императрицей в купе с другими высокопоставленными преступниками.

Работа кипела до самого октября 1917 г. Результаты расследования потрясли всех! И следователей, и общественных наблюдателей, и самих «чекистов», и членов Временного правительства. Потрясли настолько, что последовал приказ, категорически запрещающий публикацию итоговых материалов. Причина была проста: ни одного из обвинений доказать так и не удалось. Вместо преступлений Царской семьи следователи обнаружили совершенно другое: невероятно отлаженную систему клеветы.

Один из членов комиссии вспоминал: «Не скрою, что, входя в состав следственной комиссии, я сам находился под влиянием слухов, захвативших всех, и был предубежден против личности государя. Утверждаю, однако, что не я один, на основании изучения материалов, пришел к совершенно противоположным выводам. Еврей, социалист-революционер, присяжный поверенный, которому было поручено Муравьевым обследование деятельности царя, после нескольких недель работы с недоумением и тревогой в голосе сказал мне: “Что мне делать? Я начинаю любить царя”»¹⁴.

Следствию среди прочего были представлены изъяты письма, в которых Императрица обращалась к своему мужу с теми или иными политическими предложениями и просьбами. Это стало долгожданной находкой для следствия. Наконец-то не по слухам, а на основании документов будут разоблачены и злокозненная «немка-шпионка», и безвольный «подкаблучник-император».

Вот только один из примеров многих пронизательных рекомендаций Александры Фёдоровны. За три месяца до революции, когда многое еще можно было изменить, она писала мужу: «Спокойно и с чистой совестью перед всей Россией я бы сослала Львова в Сибирь... Милюкова, Гучкова и Поливанова — тоже в Сибирь. Теперь война, и в такое время внутренняя война есть высшая измена...»¹⁵.

Одной из самых сложных фигур в царском окружении был Григорий Ефимович Распутин. Есть такие загадочные личности в нашей истории, что узнать о них всю правду мы сможем, пожалуй, только на Страшном Суде Божиим, когда откроется все. Имеется немало оснований утверждать, что он не был тем монстром, за которого его выдавала сплетня и тогдашняя российская пресса. Есть свидетельства негативные? Есть. Есть свидетельства совершенно иные? Несомненно.

Распутин являл собой действительно неординарного человека. Многочисленные свидетельства о его способностях облегчать болезнь царевича Алексея объясняют то, что его принимали в императорской семье. Более подробно об этом человеке можно узнать из обстоятельной научной биографии, написанной ректором Московского литературного института, писателем Алексеем Варламовым¹⁶.

---

¹⁴ Романов А. Ф. Император Николай II и его правительство (по данным Чрезвычайной следственной комиссии) // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 16.

¹⁵ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.; Л.: Гос изд-во, 1927. С. 190.

¹⁶ Варламов А. Н. Григорий Распутин-Новый. М.: Молодая гвардия, 2007.

Но именно образ Распутина, как простого мужика, «управляющего страной», в глазах образованного общества становился символом упадка власти, а потому с убежденностью распространялся в интеллигентских кругах, верящих в нарисованную в их сознании картинку. Тем самым он превращался в действенный инструмент расшатывания российской государственности.

Григория зверски убили. «Когда в столице узнали об убийстве Распутина, все сходили с ума от радости; ликование общества не было пределов, друг друга поздравляли: “Зверь был раздавлен, — как выражались, — злого духа не стало”. От восторга впадали в истерику», — вспоминала фрейлина Императрицы Анна Вырубова¹⁷.

«Прогрессивное общество» увлеченно впитывало и разносило любые сплетни, дискредитировавшие Императорский Дом. «Сегодня мы распускаем слухи на заводах, что Императрица спаивает Государя, и все этому верят!»¹⁸. Подобные свидетельства можно приводить до бесконечности. Результатом этой кипучей многолетней работы стала всеобщая утрата доверия к Императору и его правительству, вообще к людям, несущим крест государева тягла, бремя исполнения реальных дел.

Император Николай II, конечно же, понимал, что в политике всегда присутствуют ложь, лицемерие, корыстные интересы. Он знал цену и аристократии, и буржуазии, и своим союзникам. Но чего он не мог представить, так это уровня тотальной лжи и клеветы, которая будет обрушена на него. Как человек искренних религиозных и этических принципов, он поражался злобному, убийственному по отношению к Родине поведению просвещенного общества. Кроме того, идеализируя народ, он был уверен, что клевета, извергаемая прессой, настолько нелепа и чудовищна, что разумные люди этому просто не поверят. Опровергать же сплетни он считал ниже своего достоинства. Но Император ошибался. Самая грязная ложь и самая нелепая клевета принимались охотно, причем во всех слоях общества — от крестьян, рабочих и солдат до членов царствующей династии.

«Прогрессивное общество» было беспощадно, подливая масло в огонь будущего пожара. Публично и бесцеремонно они провозглашали: «Лучше проиграть войну, чем Романовы!» Уже через день после выступления Милюкова с его «глупость или измена» другой депутат, Василий Маклаков, провозгласил в своем думском

---

¹⁷ Цит. по: Там же. С. 389–390.

¹⁸ *Вырубова (Танеева) А.А.* Страницы из моей жизни. М.: Благо, 2000. С. 106.

выступлении: «Наше правительство сейчас парализует, обессиливает силу целой России... Старый режим и интересы России теперь разошлись, и перед каждым министром стоит дилемма: пусть он выбирает, служить ли России или служить режиму, служить тому и другому так же невозможно, как служить Маммоне и Богу... Мы заявляем этой власти: либо мы, либо они. Вместе наша жизнь невозможна»¹⁹.

Несомненно, накануне и во время войны правительство России возглавляли далеко не такие выдающиеся деятели, как Пётр Аркадьевич Столыпин или Сергей Юльевич Витте. Но царские чиновники предреволюционного времени в целом сумели создать условия для победы в военной и гражданской промышленности. Без каких-либо чрезвычайных мер обеспечили более чем сносные условия жизни для мирного населения. У правительства императора Николая II не получилось только одной «мелочи» — избежать революции.

Сегодня, оглядываясь на тот период, мы понимаем, что нам необходим глубокий и всесторонний исторический анализ, о ценности которого говорил наш великий историк Василий Осипович Ключевский: «Почему люди так любят изучать свое прошлое, свою историю? Вероятно, потому же, почему человек, споткнувшись с разбега, любит, поднявшись, оглянуться на место своего падения»²⁰.

Мнение психологов — современников революционных событий

То, как стремительно рухнула Империя, ошеломило весь мир. Писатель В.В. Розанов воздвиг над Родиной страшную эпитафию: «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три»²¹.

Когда мы изучаем события Февраля 1917 г. и то, что за ними последовало, трудно отделаться от мысли: как люди в здравом уме и твердой памяти могли совершать такое? Как можно было в разгар войны отменять дисциплину в армии, разоружать офицеров? Упразднить по всей огромной, охваченной смутой стране полицию и суды? Да еще с восторгом объявлять, что отныне правопорядок вместо полиции и жандармов будут обеспечивать исключительно

---

¹⁹ Маклаков В.А. Речи: судебные, думские и публичные лекции. 1904–1926. Париж: Издание Юбилейной комиссии, 1949. С. 209–212.

²⁰ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. IX. М.: Мысль, 1990. С. 390.

²¹ Розанов В.В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С. 6.

«добровольцы на безвозмездной основе и желательно из интеллигенции»²². Все это кажется невозможной фантазмагорией.

Есть такое понятие в психиатрии — массовый индуцированный психоз. Или заразная психическая эпидемия, передающаяся от человека к человеку. Об опасности подобного явления писали известные психиатры России, современники того времени — В.Х. Кандинский, В.М. Бехтерев, П.Б. Ганнушкин, В.О. Россолимо. И хотя многое в понимании механизма заразности психических состояний человека еще не понятно, но постоянно фиксируются случаи, подтверждающие это²³.

Знаменитый русский психиатр Виктор Хрисанфович Кандинский писал: «Оспа и чума уносили прежде тысячи и десятки тысяч жертв и опустошали целые страны. Душевные эпидемии не менее губительны. Проходит время повального душевного расстройства, время коллективного увлечения или страсти, и вернувшиеся к рассудку люди обыкновенно сами не могут понять своих прошлых ошибок...»²⁴.

Основоположник отечественной патопсихологии Владимир Михайлович Бехтерев в работе «Внушение и его роль в общественной жизни» констатировал: «Мы знаем психические эпидемии, выражающиеся активными явлениями и сопровождающиеся более или менее очевидными психическими возбуждениями. Такие эпидемии, под влиянием соответствующих условий, иногда охватывают значительную часть населения и нередко приводят к событиям, чреватых огромными последствиями. Фанатизм, охватывающий народные массы, в тот или иной период истории представляет собой также своего рода психическую эпидемию»²⁵.

Выступая в 1900 г. в Московском университете, знаменитый невропатолог, психоневролог Григорий Иванович Россолимо особо отмечал активных переносчиков психических эпидемий: «Дегенеративные личности неизлечимы. Но обезвредить такого больного — уже одна из важнейших задач гигиены, так как мно-

---

²² Борисов А.В., Дугин А.Н. Полиция и милиция России: страницы истории. М.: Наука, 1995. С. 95.

²³ Например, исследование ученых Хельсинского университета о заразности депрессии у школьников. Ученые выяснили, можно ли «заразиться» депрессией // Газета.ру. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/science/news/2024/07/02/23371015.shtml> (дата обращения: 03.07.2024).

²⁴ Кандинский В.Х. Общепонятные психологические этюды. М.: А. Ланг, 1881. С. 154.

²⁵ Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.: Издание К.Л. Риккера, 1903. С. 154.

гие психопатические состояния отличаются своей заразительностью»²⁶.

У Ильи Ефимовича Репина есть немало полотен, написанных с нескрываемой симпатией к революционным идеям: «Не ждали», «Отказ от исповеди», «Арест пропагандиста».

Но посмотрите, какие удивительные лица на его картине, изображающей не отдельных представителей «прогрессивного общества», а целую толпу. Это большое полотно называется «Манифестация 17 октября 1905 года».

Взгляните внимательно на эти лица. Разве это лица нормальных людей? Репин как, несомненно, великий живописец честно отображал правду жизни, несмотря на свои личные пристрастия. И здесь он безошибочно уловил и передал кистью групповой портрет людей в состоянии массового психического расстройства.

Возразят: но это же 1905 г. Так и есть. Но очевидно и другое: к 1917 г. болезненное духовное и психическое состояние «прогрессивного общества» еще более усугубилось.

Федор Михайлович Достоевский в романе «Преступление и наказание» пророчески описал, как Раскольников в горячечном бреде видит прозреваемое самим Достоевским революционное будущее: «Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшестввовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга»²⁷.

²⁶ *Россоломо Г.И.* Искусство, больные нервы и воспитание (По поводу «декадентства»). М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1901. С. 24.

²⁷ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. С. 419–420.

Особо необходимо остановиться на размышлениях лауреата Нобелевской премии Ивана Петровича Павлова. Как и многие представители тогдашней интеллигенции, он придерживался оппозиционных идей. Так, узнав о подавлении беспорядков 1905 г., Иван Петрович высказался по отношению к высшей власти: «Ну, хватит! С этой гнилью надо заканчивать!» Императора и правительство он буквально накануне Февраля 1917 г. клеймил весьма жестко. Февральский переворот Павлов воспринял с полным оптимизмом. Октябрьскую же революцию пережил болезненно²⁸. Но не уехал в эмиграцию, хотя к тому времени был всемирно известным ученым, и любая страна с радостью распахнула бы перед ним свои двери.

К весне 1918 г. Петроград изменился до неузнаваемости. В голодном городе, переполненном дезертирами и бандитами (у А. Блока: «Запирайте этажи, нынче будут грабежи!»²⁹), жителям оставалось только вспоминать свою, всего лишь год назад уютную и безопасную жизнь, где за публичную и самую резкую критику «деспотического режима» ответов со стороны государства не следовало, а бытовые претензии к правительству ограничивались отсутствием в январе ананасов на продуктовых рынках в воюющей стране. А весной 1918 г. в условиях почти голода и жесточайшего нормирования продуктов (вспомним еще одно поэтическое свидетельство того времени — В. Маяковский: «Не домой, не суп, а к любимой в гости две морковинки несус за зеленый хвостик»³⁰) обыватели сами дивились своим давешним проблемам, еще год назад казавшимся им невыносимыми.

В этой-то обстановке академик Павлов счел необходимым для себя выступить в Петрограде с циклом публичных лекций-размышлений на тему «Об уме вообще и о русском в частности».

В последней лекции, посвященной русской интеллигенции, великий ученый высказался предельно откровенно: «То, что произошло сейчас в России, есть, безусловно, дело интеллигентского ума. Массы же сыграли совершенно пассивную роль. Они восприняли то движение, по которому ее направляла интеллигенция. Отказываться от этого, я полагаю, было бы несправедливо и недостойно»³¹.

---

²⁸ Самойлов В.О. О патриотизме и диссидентстве Павлова // Природа. 1999. № 8. С. 108–110.

²⁹ Блок А.А. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 3. М.; Л.: Художественная литература, 1960. С. 354.

³⁰ Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 8. М.: Гослитиздат, 1958. С. 294.

³¹ Павлов И.П. О русском уме // Природа. 1999. № 8. С. 94.

Далее он рассмотрел образ мышления типичного русского интеллигента: «Русский интеллигентский ум не привязан к фактам. Он больше любит слова, он ими оперирует... Это не забавно, это ужасно! Это приговор над русской мыслью. Она знает только слова и не хочет прикоснуться к действительности... То есть несколько не проверяет смысла слов, не идет за кулисы слова, не любит смотреть на подлинную действительность. Мы занимаемся коллекционированием слов, а не изучением жизни... Возьмите другой факт, который поражает сейчас. Это факт распространяемости слухов. Серьезный человек сообщает серьезную вещь, сообщает не слова, а факты. Но тогда вы должны дать гарантию, что ваши слова действительно идут за фактами. Этого нет. Мы знаем, конечно, что у каждого есть слабость — произвести сенсацию. Каждый любит что-то прибавить. Но все-таки нужна же когда-нибудь и критика, проверка. И этого у нас не полагается. Мы главным образом интересуемся и оперируем словами, мало заботясь о том, какова действительность... Свобода мысли — есть ли у нас эта свобода? Надо сказать, что нет. Я помню мои студенческие годы. Говорить что-либо против общего настроения было невозможно. Вас стаскивали с места, называли чуть ли не шпионом. Но это бывает у нас не только в молодые годы. Стоит кому-либо заговорить не так, как думаете вы, сразу же предполагаются какие-то грязные мотивы, подкуп и тому подобное. Какая же это свобода?»³².

Академик Павлов поясняет: «Свобода и дисциплина — это абсолютно равноправные вещи. То, что мы называем свободой, то у нас на физиологическом языке называется возбуждением. То, что обычно зовется дисциплиной, на физиологическом языке соответствует понятию торможения. Вся нервная деятельность складывается из этих двух процессов — из возбуждения и торможения. И торможение имеет даже большее значение. Раздражение, возбуждение — это нечто хаотическое, в торможение вставляет эту хаотичность в рамки»³³.

Иван Петрович Павлов резюмирует, что с возбуждением у русского интеллигентского ума все в порядке. А вот с торможением — как-то совсем плохо: «Вы можете иметь нервную систему с очень слабым развитием важного тормозного процесса — того, который устанавливает порядок, меру. И вы будете наблюдать все последствия такого слабого развития»³⁴.

---

³² Там же. С. 97–98.

³³ Там же. С. 98.

³⁴ Там же. С. 102.

Впрочем, академик Павлов оставляет нам некоторую надежду: «Но после определенной практики, тренировки на наших глазах может идти усовершенствование нервной системы, и очень большое. Значит, невзирая на то, что произошло, все-таки надежды терять мы не должны»³⁵. Великий физиолог допускал, что горький опыт революции и ее последствий может иметь для русской интеллигенции вероятный педагогический эффект, и оставлял шанс на исправление патологических перекосов ее коллективного ума.

Заключение

Психоэмоциональное состояние российского общества накануне февральского переворота явилось одним из решающих факторов развития революционного кризиса. Оно отразило раскол правящих элит страны, невозможность установления эффективного компромисса между властью и обществом в условиях Первой мировой войны. Казалось бы, в политической сфере были провозглашены свободы, военные ограничения которых вполне сравнимы с ситуацией в других воюющих странах, создан и действовал парламент. Россия достигла значительных успехов в экономике, в том числе в сфере оборонной промышленности. Власть готовилась к решающему наступлению на фронте летом 1917 г. Но не удавалось достичь единства политической элиты. Происходившую в последние десятилетия существования империи борьбу власти и «прогрессивного» общества не приостановила даже война, несущая опасность существованию суверенной России. Общественная оппозиция видела в войне лишь благоприятные условия для ущемления прерогатив власти и стремилась к этому, невзирая на опасность, грозившую государству.

В центре этого противостояния оказался Николай II и императорская семья, в сопротивлении которых реформам различные общественные силы видели главную помеху торжества «светлого будущего». В развернувшейся внутренней «информационной войне» власть явно проигрывала: об этом свидетельствовало тотальное предательство правящей элитой своего Государя. Царское правительство оказалось не в состоянии объединить политическую элиту страны, создать необходимый психоэмоциональный фон. Яркой оценкой действий правительства представляются слова председателя Государственного совета Российской импе-

---

³⁵ Там же.

рии Ивана Григорьевича Щегловитова: «Паралитики власти слабо, нерешительно, даже как-то нехотя борются с эпилептиками революции»³⁶. Это был приговор.

Литература

Аксенов В.Б. Война патриотизмов. Пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Александр Михайлович, вел. кн. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991.

Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.: Издание К.Л. Риккера, 1903.

Блок А.А. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 3. М.; Л.: Художественная литература, 1960.

Борисов А.В., Дугин А.Н. Полиция и милиция России: страницы истории. М.: Наука, 1995.

Булдаков В.П. Слухи, эмоции, большевизм // Вестник Тверского государственного университета. 2023. № 3. С. 5–21.

Булдаков В.П. Страсти революции: Эмоциональная стихия 1917 г. М.: Новое литературное обозрение, 2024.

Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М.: Издательство «ИстЛит», 2017.

Варламов А.Н. Григорий Распутин-Новый. М.: Молодая гвардия, 2007.

Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М.: Воениздат, 1995.

Вырубова (Танеева) А.А. Страницы из моей жизни. М.: Благо, 2000.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973.

Кандинский В.Х. Нервно-психический контагий и душевные эпидемии // Кандинский В.Х. Общепонятные психологические этюды. М.: А. Ланг, 1881.

Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. IX. М.: Мысль, 1990.

Крачкович П.З. История Российской революции (записки офицера-журналиста), 1914–1920. Книга 1. Гродно: Тип. «Т-ва С. Лапин с С-ми», 1921.

Маклаков В.А. Речи: судебные, думские и публичные лекции. 1904–1926. Париж: Издание Юбилейной комиссии, 1949.

Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 8. М.: Гослитиздат, 1958.

---

³⁶ Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция: 1914–1917 гг. В 3 т. Т. 3. Нью-Йорк: Всеславян. изд-во, 1962. С. 13.

Наумов А.О. «Цветные революции». М.: Издательство «Кучково поле», 2022.

Наумов А.О., Белоусова М.В. К вопросу о применении технологий «острой силы» в современном мире // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 98. С. 73–85.

Никонов В.А. Крушение России. 1917. М.: АСТ, 2016.

Павлов И.П. О русском уме // Природа. 1999. № 8. С. 93–102.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Новости, 1991.

Резанов А.С. Штурмовой сигнал П.Н. Милюкова. Париж: изд. авт., 1924.

Розанов В.В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000.

Романов А.Ф. Император Николай II и его правительство (по данным Чрезвычайной следственной комиссии) // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 1–38.

Россолимо Г.И. Искусство, больные нервы и воспитание (По поводу «декадентства»). М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1901.

Самойлов В.О. О патриотизме и диссидентстве Павлова // Природа. 1999. № 8. С. 104–118.

Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля. М.: Алгоритм, БСК, 2007.

Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция: 1914–1917 гг. В 3 т. Т. 3. Нью-Йорк: Всеславян. изд-во, 1962.

Шевкунов Г.А. Социальная система Российской империи как предпосылка революции 1917 года // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104. С. 95–106. DOI: 10.24412/38nvjr73

Koenker D.P., Rosenberg W.G. Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton: Princeton univ. press, 2016.

Nye J. The Future of Power. NY: Public Affairs, 2011.

Steinberg M.D. The Russian Revolution, 1905–1921. Oxford: Oxford univ. press, 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Шевкунов Георгий Александрович — соискатель, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail*: sm1395@ya.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Georgy A. Shevkunov — PhD applicant, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; *e-mail*: sm1395@ya.ru